

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

И.Э. Магадеев*

ОТ ЕВРОПЕЙСКОЙ К МИРОВОЙ: ДИНАМИКА «ТОТАЛИЗАЦИИ» И «ГЛОБАЛИЗАЦИИ» ВОЙНЫ В СЕНТЯБРЕ 1939 г. — ДЕКАБРЕ 1941 г.

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

В центре внимания автора статьи — внутренняя динамика и характерные черты развития боевых действий и общей стратегической ситуации в период Второй мировой войны, начиная с германской агрессии против Польши и заканчивая срывом «Барбароссы» и прямым вступлением США в конфликт. В качестве ключевых аналитических инструментов для выявления особенностей периода с сентября 1939 г. по декабрь 1941 г. автор использует концепции «тотализации» и «глобализации» вооруженного конфликта великих держав. Для операционализации указанных понятий используются по три ключевых параметра. В случае «тотализации» это: 1) сроки ведения войны (короткая vs длительная война); 2) степень перевода экономик ведущих государств на военные рельсы; 3) характер средств и методов ведения боевых действий и применения иных форм насилия; в случае «глобализации» — 1) географический размах; 2) количество участников и роль нейтральных стран; 3) степень сворачивания многополярной модели международных отношений до своеобразной «биполярности» — противостояния двух коалиций. Автор приходит к выводу о том, что картина развития Второй мировой войны в рассматриваемый период по ряду параметров отличалась от хрестоматийного образа тотального и глобального вооруженного конфликта. Присутствовавшие еще в довоенный период черты «тотализации» (подготовка сторон к длительному противостоянию, усвоение уроков Первой мировой войны о роли экономики в ведении боевых действий, преступные цели нацизма)

* *Магадеев Искандэр Эдуардович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

лишь постепенно разворачивались во времени, а немецкие «блицкриги», как казалось, привели к развитию конфликта по иному сценарию. Заметные изначально тенденции «глобализации» (вовлечение колоний Великобритании и Франции, раннее распространение конфликта на Северную и Восточную Африку, фактор глобальной войны на море) соседствовали с противоположными тенденциями: сохранением официального нейтралитета крупных государств, ожиданиями их возможного посредничества в прекращении боевых действий, неопределенностью относительно итогового состава формировавшихся коалиций.

Ключевые слова: Вторая мировая война, «тотализация», «глобализация», «биполяризация», «блицкриг», Германия, СССР, США, Великобритания, Франция, «странная война».

Закрепившиеся термины, используемые для обозначения тех или иных исторических событий, как правило, очерченных строгими хронологическими рамками, являются важной частью инструментария истории как научной дисциплины и теми «краеугольными камнями», на которых строятся более сложные интерпретации и концепции. Вместе с тем критический анализ базовых допущений и идей, эксплицитно или имплицитно заложенных в устоявшуюся терминологию, — своего рода возврат к «истокам» — может способствовать дальнейшему развитию исторических штудий и лучшему пониманию не только важных исследовательских терминов, но и стоящих за ними феноменов прошлого. В этом смысле даже столь хрестоматийное понятие, как «Вторая мировая война» во всем известных временных границах — с 1 сентября 1939 г. по 2 сентября 1945 г., не является исключением.

Цель данной статьи — выявить специфические черты развития Второй мировой войны, связанные с постепенно укреплявшимися тенденциями «тотализации» (усиления ее тотального характера) и «глобализации» (географического расширения и вовлечения новых участников), начиная с германской агрессии против Польши и заканчивая срывом «Барбароссы» и прямым вступлением США в конфликт. Статья призвана вновь обратить внимание на особенности внутренней динамики развития войны с сентября 1939 г. по декабрь 1941 г.; продемонстрировать постепенное, а не одномоментное превращение «европейского» в «мировой» конфликт; акцентировать роль международных факторов и международного контекста в реализации германских «блицкригов», первоначальный успех и последовавший крах

которых во многом и стали смысловым «стержнем» рассматриваемого временного отрезка.

На фоне сохраняющегося в отечественной и зарубежной историографии консенсуса относительно первоочередной ответственности нацистской Германии за развязывание нового конфликта [Международный кризис 1939 года., 2009; Великая Отечественная война., 2012: 224–241; Weinberg, 2010; The origins of the Second World War., 2011] дискуссии о самой сути и хронологических рамках понятия «Вторая мировая война» продолжаются. Так, определенным влиянием пользуется точка зрения о желательности отойти от европоцентризма в интерпретации войны и опустить ее нижнюю хронологическую границу до 1937 г. — нападения Японии на Китай, о чем, например, писал британский историк индийского происхождения Р. Миттер [Mitter, 2013: 4–5]. Французские исследователи А. Аглан и Р. Франк в свою очередь высказались в пользу концепции «мир-войны» (по аналогии с термином «мир-экономика» Ф. Броделя), охватывающей период от японской агрессии против Китая в 1937 г. до начала «холодной войны» в 1947 г. [1937–1947: La guerre-monde, 2015a: 11–21].

Вопрос о трансформации «европейской» войны в «мировую», вынесенный в заглавие статьи, уже поднимали ряд исследователей [Childs, 1995: 53; Overy, 2017: 84]. Развернутый тезис о «последней европейской войне», проходившей с сентября 1939 г. до июня 1941 г. (вторжение Германии на территорию СССР), а скорее и до декабря 1941 г. (нападение Японии на США), представил американский историк венгерского происхождения Дж. Лукач еще в 1976 г. [Lukacs, 2001]. Вместе с тем, как правило, подобная проблематика в зарубежной историографии заявлялась, но не разрабатывалась подробно. Среди российских исследователей продолжает доминировать традиционный взгляд на хронологические рамки и суть рассматриваемого периода войны, трактуемого как череда следующих друг за другом актов германской агрессии в Европе на фоне англо-французской пассивности («странная война»), что привело в итоге к поражению Франции и фактическому доминированию Германии на Западе континента, за которым последовало вторжение в СССР [Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2012: 256–490; Нацистская Германия против Советского Союза., 2015].

Различие исследовательских подходов обуславливалось и спецификой источниковой базы. Если для западных историков характерно первоочередное внимание к документам, связанным с деятельностью руководства Германии, Великобритании, США

и Франции (нередко — при сохранении страновой специализации), то отечественным авторам, напротив, свойствен своего рода «взгляд из Москвы». С целью представить более многомерное видение событий сентября 1939 г. — декабря 1941 г. в настоящей статье рассматриваются различные источники (в том числе в рамках «перекрестного анализа» западных реалий советскими дипломатами и наоборот), а также используются оценки стратегической и политической ситуации в ходе войны, осуществлявшиеся по разные стороны от линии фронта.

* * *

В самом термине «Вторая мировая война», а также в отсчете ее начала с германской агрессии против Польши — плана «Вайс» («Белый») — заложена известная противоречивость. Даже если оставить в стороне вопрос о месте японского нападения на Китай в общей хронологии глобальной войны, сосредоточившись в данном случае на европейских реалиях, то боевые действия на Востоке Европы, начавшиеся в сентябре 1939 г., на первый взгляд, было сложно подвести под понятие «мировая война». Исходить ли из географического охвата (мировая как синоним глобальной) или из идеи о том, что характеристика «мировая война» была «заявлением о ее значимости, а не о географическом размахе», как отмечал британский историк Х. Строн применительно к конфликту 1914–1918 гг. [Strachan, 2010: 5], крупные боевые действия после поражения Польши (6 октября) развивались в Европе скачкообразно и приняли форму череды локализованных «блицкригов» — периодов усиленных вооруженных столкновений с последующими паузами между ними. За операцией «Учения на Везере» (Датско-норвежская операция, 9 апреля — 10 июня 1940 г.) последовали нанесение удара на Западном фронте (10 мая — 24 июня 1940 г.), затронувшее территории Бельгии, Нидерландов и Франции согласно немецким планам «Гельб» («Желтый») и «Рот» («Красный»), а затем и Балканская кампания вермахта (6–30 апреля 1941 г.) — операции «Штрафгерихт» («Наказание») и «Марита». Реализация плана «Барбаросса», начавшаяся 22 июня 1941 г., была окончательно сорвана к декабрю 1941 г., что обозначило крах стратегии «блицкрига» в целом.

Дискуссионность вопроса о 1 сентября 1939 г. как о ключевом рубеже заключается и в том, что зафиксированный поражением Польши крах Версальского порядка в Европе начался раньше и получил зримое выражение уже в Мюнхенском соглашении от 30 сентября 1938 г. [Международный кризис 1939 года., 2009:

47]. Военный и предвоенный периоды в этом смысле не только были тесно связаны друг с другом, но и «перетекали» один в другой, в отличие от более резкого разрыва в случае начала Первой мировой войны. Безусловно, за традиционной точкой зрения о роли германской агрессии против Польши стоят немаловажные аргументы: это было первое масштабное и открытое применение Германией вооруженной силы против европейского государства после 1919 г.; объявление войны Третьему рейху со стороны Великобритании и Франции, последовавшее 3 сентября, вовлекло в конфликт великие державы и их колониальные империи; наконец, поражение Польши, которую В.И. Ленин еще в 1920 г. называл «опорой всего Версальского договора»¹, закрепило крах послевоенного порядка в более очевидной форме, чем расчленение и последующий распад Чехословакии. Всё же в аргументации о роли 1 сентября 1939 г. как рубежа значительную роль сыграло рассмотрение Второй мировой войны *a posteriori*, с опорой на знание о ее дальнейшей эволюции и итогах.

Предпринятый в настоящей статье анализ ряда событий Второй мировой войны «изнутри», с акцентом на внутренней динамике их развития вплоть до декабря 1941 г., демонстрирует более сложную и неоднозначную картину постепенного и нелинейного превращения череды локальных конфликтов, хотя и с присутствовавшими изначально чертами «тотализации» и «глобализации», в «наиболее масштабную и затратную войну в истории», в максимальной степени приближавшуюся к характеристике «тотальной» [A world at total war., 2005: 2]. Что касается «тотализации», то особое внимание в статье обращено на три параметра: сроки ведения войны (короткая vs длительная); степень перевода экономик ведущих государств на военные рельсы; характер средств и методов ведения боевых действий и применения иных форм насилия. При анализе «глобализации» войны также были выделены три основных критерия: расширение географического размаха конфликта; увеличение количества его участников и сокращение числа нейтральных государств; сворачивание многополярной модели международных отношений до своеобразной биполярности — противостояния двух коалиций.

Обе тенденции — «тотализации» и «глобализации» — тесно связаны друг с другом, но всё же не тождественны. Можно со-

¹ Из доклада В.И. Ленина «Политический отчет ЦК РКП(б)» на IX конференции РКП(б), 22 сентября 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / Отв. ред. Г.М. Адибеков. М.: РОССПЭН, 2004. С. 63.

гласиться с исследователями, обращавшими, например, внимание на Семилетнюю войну 1756–1763 гг., которая, несмотря на широкий географический размах (англо-французское колониальное противоборство), так и не стала «тотальной» по своему характеру [Förster, 2000: 5].

В рассматриваемый временной интервал стратегическая инициатива в целом оставалась в руках немецкого руководства во главе с А. Гитлером, а сам хронологический отрезок нередко обозначается историками как период «блицкригов» [Searle, 2017: 53], отмеченный быстрыми успехами вермахта, и ассоциируется с успешным использованием новейших средств вооружений, прежде всего танков и авиации [Кокошин, 2015: 101]. Если на протяжении истории центральное геополитическое положение Германии создавало для нее как традиционные сложности (проблему ведения войны на «два фронта» [Дашичев, 1965]), так и преимущества (возможность перебрасывать силы с западных на восточные границы и наоборот по внутренним линиям коммуникаций, нередко определяя тем самым направление удара по противнику на Западе или на Востоке), то в 1939–1941 гг. Третьему рейху, как казалось, удалось воспользоваться последними, избежав первых. При этом в действиях нацистского руководства наглядно отразились и более общие дилеммы постепенной «тотализации» войны.

В 1965 г. британский историк А. Милворд сформулировал тезис об «экономике блицкрига», суммировав в этом понятии представления о том, что А. Гитлер и его окружение делали сознательную ставку на короткую войну за счет «молниеносных» операций вермахта, поскольку такая стратегия позволила бы нейтрализовать слабые стороны немецкого экономического и ресурсного потенциала (дефицит сырья и продовольствия; относительная слабость производственной базы по сравнению с вероятными противниками — США, СССР и Великобританией), а также снизить нагрузку на тыл, считавшийся потенциально непрочным [Milward, 2015]. Сегодня подобная концепция пользуется намного меньшей популярностью среди экспертов, чем ранее.

Так, еще в 1996 г. в фундированном исследовании операции против Франции (1940) немецкий историк К.-Г. Фризер выступил с тезисом о «легенде блицкрига». Он весьма убедительно продемонстрировал, что немецкое военное и политическое командование в качестве базового сценария рассматривало затяжную войну на Западном фронте: «Так называемое мышление

в духе блицкрига было развито лишь после войны на Западе [в 1940 г. — *И.М.*]. Оно было следствием, а не причиной победы» [Frieser, 1996: 32]. Критика идеи А. Милворда получила отражение и в разделе о мобилизации германской экономики, написанном историком Р.-Д. Мюллером для пятого тома фундаментального коллективного труда «Германский рейх и Вторая мировая война» [Germany and the Second World War, 2000: 405–786].

Действительно, в преддверии кампании против Франции, ставшей самым громким «блицкригом» вермахта, Верховное командование немецких вооруженных сил (ОКВ; Oberkommando der Wehrmacht, ОКВ) готовилось к затяжной войне, реальный облик которой напоминал бы картину Первой мировой, а сам А. Гитлер, размышляя о необходимых объемах вооружения и боеприпасов, использовал цифры времен прошлой войны, взятые им из книги генерал-лейтенанта М. Шварте, изданной в 1920-е годы [Germany and the Second World War, 2000: 492]. В разработке Верховного командования сухопутных сил (ОКХ; Oberkommando des Heeres, ОКН), представленной осенью 1939 г. заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом К.-Г. фон Штюльпнагелем, сроки возможного нападения на Францию — в связи с необходимостью полномасштабной подготовки к нему — отодвигались до весны 1942 г. [Jersak, 2003: 376]. Программа вооружений вермахта, принятая весной 1940 г. под давлением А. Гитлера, торопившего с началом наступления, предполагала значительное увеличение выпуска продукции лишь к октябрю 1940 г. и выход на пик производства к осени 1941 г. Да и в распоряжениях самого нацистского фюрера от 12 апреля 1940 г. относительно производства военной техники очевидный приоритет отдавался артиллерии, пулеметам и противотанковым орудиям, что указывало на «ожидание суровых, затяжных битв на истощение в рамках позиционной войны» [Germany and the Second World War, 2000: 557]. Те виды боевой техники, которые затем преподносились как «визитная карточка» французского «блицкрига», в том числе танки, в общем списке приоритетов занимали лишь третье место (наряду с армейскими орудиями). В распределении сырья первое место было отдано заводам по производству боеприпасов, взрывчатых веществ и станков, что вновь указывало на подготовку к затяжным битвам с колоссальным потреблением «расходных материалов»; второе место — авиации и военно-морской технике, необходимой для войны с Великобританией. «Кампании наподобие Польской не предвидится», — записал министр пропаганды Й. Геббельс в своем дневнике 11 мая 1940 г. после разговора с начальником

оперативного управления ОКВ генерал-полковником А. Йодлем [Jersak, 2000: 568].

Сторонником концепции долгой войны, в которой решающую роль будут играть военные потенциалы противников, выступал и начальник Управления военной экономики и вооружений ОКВ генерал от пехоты Г. Томас. В меморандуме от 27 сентября 1939 г., поданном начальнику ОКВ генерал-фельдмаршалу В. Кейтелю, Г. Томас, размышляя о двух возможных вариантах (короткая или долгая война), прозрачно призывал к расширению производственных мощностей, их полномасштабному переводу на военные рельсы, а также к формированию резервов ключевых видов сырья — таковы были его рецепты победы в затяжном конфликте [Germany and the Second World War, 2000: 445–446].

В целом говорить о наличии приоритетной концепции «блицкрига» у руководства нацистской Германии не приходится: речь скорее шла о «неясных и туманных элементах большой стратегии. Различные военные решения принимались немцами в последний момент в условиях очевидной спешки, когда существовали серьезные сомнения [в успехе. — *И.М.*]» [Murray, 1983: 42]. Тем не менее определенные элементы, способствовавшие реализации последующих «блицкригов», содержались в немецкой военной традиции: нацеленность многих немецких военачальников (Г. Гудериан, Э. Роммель и др.) не допустить «позиционного тупика» Первой мировой; ряд традиционных положений военной доктрины, в том числе ставка на проведение «битвы на окружение» (*Umfassungsschlacht*), предоставление широкой свободы командующим подразделениями и соединениями в выборе средств для достижения целей, поставленных руководством (*Auftragstaktik*), и др.; наличие «военного управления на конкурентных началах» [Geyer, 1986: 585–586], т.е. одновременная разработка нескольких военных планов при возможности взаимной критики.

О том, что «блицкриги», пусть и превзошедшие ожидания самих нацистских руководителей, не исключались как таковые, свидетельствовало, среди прочего, и речь тогдашнего заместителя А. Гитлера и обладателя целого ряда экономических и военных постов Г. Геринга от 24 октября 1939 г. перед инспекторами вермахта по вопросам призыва и замены личного состава. Г. Геринг заявлял о том, что «нынешняя война — это тотальная война, конца которой никто не может предсказать даже приблизительно». Его вывод, однако, строился на идее о возможности избежать «тотальной мобилизации» немецкой экономики за счет более выгодного варианта развития военных

действий: серии военных кампаний, отделенных одна от другой периодами относительного спокойствия, которые позволили бы накопить новые запасы для следующей операции [Germany and the Second World War, 2000: 451–452]. При этом (еще одно свидетельство противоречивости нацистской «стратегии») в письме от 7 декабря 1939 г., разосланном в высшие инстанции рейха, Г. Геринг исходил из «необходимости приспособить все ресурсы к войне существенной продолжительности», объясняя тем самым расширение функций возглавляемого им Управления 4-летнего плана [Фомин, 1978: 124].

Неопределенность в понимании сроков не только отдельных военных операций, но и войны в целом была характерна и для лидеров Великобритании, Франции, а также СССР. Авторы обзора, подготовленного Главным управлением политической пропаганды Рабоче-крестьянской Красной армии (ГУПП РККА) в середине мая 1941 г., уже достаточно уверенно подчеркивали, что «основным фактором, определяющим современное международное положение, является война между крупнейшими капиталистическими державами, которая длится уже около двух лет и стала мировой, затяжной и тотальной» [Мельтюхов, 2000: 436]. Однако подобная позиция формировалась лишь постепенно, а возможность прекращения войны и заключения компромиссного мира между Германией и западными державами отнюдь не исключалась Москвой. Так, в докладе начальника Разведуправления Генштаба РККА генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова от 20 марта 1941 г. было указано, что «наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы [Германии. — *И.М.*] над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира»². Именно в таком ключе в Кремле и воспринимали таинственный полет заместителя А. Гитлера по НСДАП³ Р. Гесса в Великобританию, состоявшийся 10 мая 1941 г. [Городецкий, 2008: 301–307]. Помимо объединявшего Германию и западные страны антисоветизма в качестве фактора эвентуальной договоренности и прекращения войны между ними советская дипломатия рассматривала противоречия внутри руководства Великобритании и Франции, наличие в Лондоне и Париже влиятельных групп «умиротворителей». По-

² 1941 год: В 2 кн. Кн. 1 / Под ред. В.П. Наумова; сост.: Л.Е. Репин и др. М., 1998. С. 780.

³ НСДАП — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP).

своему это фиксировало своеобразный континуитет в советских оценках ситуации до и после сентября 1939 г.

Уже вскоре после начала Польской кампании вермахта в Москву поступала информация о нерешительности французских властей и готовности влиятельных деятелей Третьей республики пойти на мир с Германией. В начале сентября итальянские дипломаты в Берлине заверяли советского полпреда А.А. Шкварцева в том, что Великобритания «ожидала войны и поэтому оказалась более к ней подготовленной», в отличие от Франции⁴. В своих донесениях в сентябре–октябре из Парижа советский полпред Я.З. Суриц рисовал смешанную картину. Официальная уверенность французских властей в победе Антанты над Германией в силу превосходства ««потенциалов» войны, в первую очередь экономических»⁵, соседствовала с колебаниями и опасениями «сторонников мира» (П. Лаваль, П.-Э. Фланден, Ж. Буиссон и др.). О противоречиях внутри британского руководства неоднократно в сентябре 1939 г. сообщал из Лондона и советский полпред И.М. Майский, противопоставляя линию британского премьер-министра Н. Чемберлена на соглашение с Германией («новый Мюнхен») позиции кругов, настроенных на решительное ведение войны, во главе с У. Черчиллем, который занимал тогда пост первого лорда Адмиралтейства⁶.

Ситуация «странной войны» лишь укрепляла Москву в опасениях, что западные страны заключат с Берлином компромиссное соглашение. 14 сентября И.М. Майский сообщал из Лондона о том, что «в чемберленовских кругах до сих пор не оставили мысли о скорейшей ликвидации войны. Лучшим доказательством этого является тот факт, что пока французская армия на Западном фронте занимается не войной, а лишь военной гимнастикой, и что британские войска всё еще перебрасываются во Францию, формируются, концентрируются и т.д., но не принимают участия даже в той военной гимнастике, которой предаются французы»⁷. Идеей прекращения войны были проникнуты и советско-германское заявление от 28 сентября, а также выступление А. Гитлера в рейхстаге 6 октября.

⁴Дневник Шкварцева, 7 сентября 1939 г. // Документы внешней политики (ДВП). 1939. Т. 22 / Ред. колл.: В.Г. Комплектов и др. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1992. С. 44.

⁵Суриц — НКВД, 10 сентября 1939 г. // Там же. С. 60.

⁶Майский — НКВД, 13, 21 сентября, 3 октября 1939 г.; Дневник Майского, 14 октября 1939 г. // Там же. С. 71, 118, 153, 186–187.

⁷Там же. С. 79.

Если реальные боевые действия в Европе в сентябре 1939 г. — декабре 1941 г. приняли форму серии «блицкригов», а сама продолжительность и затяжной характер войны оставались под вопросом, то элементы «тотализации» всё же изначально присутствовали в действиях руководства великих держав. Базовые «уроки» Первой мировой войны относительно того, что «тотальную» войну ведут государство и общество, а успехи действующей армии в значительной мере зависят от усилий тыла, степени эффективности и «глубины» перевода экономики на военные рельсы, были прочно усвоены руководством практически всех крупных участников этого конфликта [Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации, 2014: 497–526]. Вновь проявлялась и своеобразная преемственность между событиями до и после сентября 1939 г. Статистический анализ военных расходов ведущих государств во второй половине 1930-х годов демонстрирует, что «начало войны не является шоком для большинства держав — их военные расходы начинают приводиться в режим военного времени еще до начала военных действий» [Тимофеев, 2009: 19]. Примеры СССР и Германии были в этом смысле наиболее показательными.

Идеи подготовки к эвентуальной войне и укрепления военного потенциала Советского Союза изначально были заложены в политику ускоренной индустриализации и отражались, среди прочего, в приоритетном развитии оборонных отраслей: «Если ежегодный прирост всей промышленности в последние три предвоенных года составлял в среднем 13%, то прирост военной продукции достиг 39%» [Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2013: 34]. Для Москвы начало войны в Европе стало очевидным сигналом к еще большему напряжению сил: расходы на оборону были увеличены с ок. 40 млрд рублей в 1939 г. (25,6% государственного бюджета) до 56,8 млрд в 1940 г. (32,6%) и до ок. 71 млрд в 1941 г. (43,4%) [Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2013: 34]. По оценкам историков-экономистов, в 1940 г. на военные нужды шло ок. 17%, а в 1941 г. — 28% общенационального дохода СССР [Harrison, 1998: 21].

В случае Германии милитаризация экономики, начатая задолго до сентября 1939 г., была еще более выраженной. Недавние исследования инвестиционной политики Третьего рейха в 1933–1939 гг. продемонстрировали, что предыдущие оценки уровня финансирования промышленности были занижены. Поскольку значительная часть инвестиций была напрямую или косвенно связана с перевооружением вермахта, исследователи полагают,

что «как минимум с 1937 г. <...> германская экономика была “военной экономикой в мирное время”» [Schnerer, 2010: 451]. В 1939 г. Германия тратила на военные нужды 23% общенационального дохода, в 1940 г. — 40, а в 1941 г. — 52% [Harrison, 1998: 21]. Уже после начала масштабных боевых действий исследователи отмечали, что «тотальная война милитаризировала мир. <...> Даже в Первую мировую войну мероприятия экономической или психологической войны начались лишь после <...> первого выстрела. В нацистской хронологии событий начало военных действий является успешным завершением первой главы»⁸. Раннее перевооружение обеспечило вермахту гандикап, ставший одним из важных оснований «блицкригов»: «Как только Германия благодаря своему быстрому перевооружению получила преимущество над своими соседями, чем быстрее она нанесла бы удар, тем выше были шансы на успех. Чем дольше бы война откладывалась, тем более было вероятно, что программы перевооружения, начатые другими государствами в ответ на угрозу со стороны Германии, вышли бы на те же темпы, какие демонстрировал Третий рейх, а затем и превзошли их», — констатировал немецко-американский историк Г. Вайнберг [Weinberg, 2010: 792].

Экономические меры нацистского руководства после сентября 1939 г. были дополнительным свидетельством того, что степень успеха первоначальных «блицкригов» превзошла собственные ожидания А. Гитлера и его окружения, делавших ставку на затяжной и тотальный конфликт. Несмотря на все свои опасения, связанные с опытом Ноябрьской революции 1918 г., и на заявления о желании беречь «немецкую кровь», А. Гитлер был намерен использовать все ресурсы немецкого общества для реализации своих планов. Выступая 10 февраля 1939 г. перед офицерами вермахта, фюрер подчеркивал, что «вся общественная жизнь должна быть направлена на достижение этой единственной цели [подготовка к войне. — *И.М.*], всё должно быть подчинено ей и более того — подчинено немедленно» [Germany and the Second World War, 2000: 419–420]. Законодательство, введенное уже в самом начале войны, настраивало на расширение репрессивной юстиции (декрет о «врагах народа» от 5 сентября 1939 г.) и на необходимость смириться с серьезными экономическими ограничениями и жертвами со стороны населения: «Принятое 4 сентября постановление о военном хозяйстве отменяло все доплаты за

⁸Gyorgy A. The geopolitics of war: Total war and geostrategy // The Journal of Politics. 1943. Vol. 5. No. 4. P. 353.

сверхурочные работы, ночные смены и работу в выходные дни. Практически отменялись отпуска, вводился 10-часовой рабочий день и трудовая повинность». И лишь неожиданно легкие военные победы позволили отказаться от подобных мер: к лету 1940 г. были «практически восстановлены довоенные условия и нормы» [Патрушев, 2007: 513].

Более позднее начало милитаризации экономики в Великобритании и Франции (хотя также частично обозначившееся до сентября 1939 г.) осложнило их положение на ранних этапах войны. Вместе с тем сокрушительное поражение французских войск в мае—июне 1940 г. не должно полностью затенять тот факт, что «странная война» была не только временем, когда власти раздавали солдатам футбольные мячи и придумывали иные способы занять военнослужащих при отсутствии боевых действий [Michel, 1971: 196–197], но и периодом достаточно интенсивного наращивания производства военной продукции. Британский писатель и «бывший» разведчик У.С. Моэм, отправленный во Францию Министерством информации Великобритании и посетивший фронт в октябре—ноябре 1939 г., рассказывал о том, что «вся страна встала под ружье» и «превратилась в одно гигантское военное производство» [Морган, 2002: 322]. В этих словах содержалось, безусловно, пропагандистское преувеличение, однако нельзя сбрасывать со счетов и реальные достижения правительства Третьей республики.

Французская военная промышленность, темпы производства которой стали выраженно расти еще осенью 1938 г., в период с сентября 1939 г. по май 1940 г. дала вооруженным силам ок. 1,3 тыс. танков. Вопреки сохраняющимся стереотипам, это обеспечило французской армии превосходство над немцами в количестве, а нередко — и в качестве танков к началу наступления вермахта (3524 против 2439 единиц) [Frieser, 1996: 44–45]. Схожая ситуация наблюдалась и в авиации. По словам историка Р. Франка, «в ходе “странной войны” производство [самолетов. — *И.М.*] ускорило как во Франции, так и в Англии: темпы роста французской авиации превосходили темпы любой из стран в первом семестре 1940 г., а если взять два государства вместе, то с января 1940 г. они произвели почти в два раза больше самолетов, чем Германия» [1937–1947: *La guerre-monde*, 2015a: 210]. По общей численности ВВС Антанта также превосходила немцев (4469 против 3578 единиц), однако при этом у люфтваффе было значительно больше боеспособных самолетов непосредственно на линии фронта (2589 против 1263) [Frieser, 1996: 57].

Р. Франк всё же считает, что «с точки зрения развития экономики и промышленности пари “странной войны” было выиграно [западными державами — *И.М.*]» [1937–1947: *La guerre-monde*, 2015a: 211]. Да и сам А. Гитлер, выступая перед командованием вермахта 23 ноября 1939 г. и призывая военных к ускоренному наступлению на Западе, считал, что время играет не в пользу Германии, давая державам Антанты возможность нарастить масштабы производства и обеспечить вооруженные силы большим количеством солдат и офицеров: «Меня беспокоит растущая активность англичан. <...> Нет никакого сомнения в том, что не позже чем через шесть–восемь месяцев численность английских войск, находящихся во Франции, увеличится в несколько раз»⁹. В Великобритании уже в 1939 г. на военные нужды шло 15% общенационального дохода — цифра, которая стремительно выросла в последующие 2 года (44 и 53% соответственно). Для сравнения: в нейтральных США аналогичные показатели составляли 1, 2 и 11%, в Италии, вступившей в войну 10 июня 1940 г., — 8, 12 и 23%, и даже у Японии, которая вела боевые действия в Юго-Восточной Азии, — 22, 22 и 27% [Harrison, 1998: 21].

Таким образом, процессы милитаризации экономик участников конфликта и нейтральных государств усилились с началом боевых действий в 1939 г. и были внушительны уже на ранних этапах войны, хотя и неравномерно развивались в разных странах. Всё же и здесь необходима оговорка: реальный процесс экономической конверсии был отнюдь не одномоментным, что также свидетельствовало о постепенном усилении тотального характера войны. В ноябре 1940 г. в одном из черновиков послания на имя Ф. Рузвельта У. Черчилль писал, что «для перевода экономики современного государства на военные рельсы требуется три или четыре года». Премьер-министр полагал, что Германия вышла на пик военного производства в 1939 г., в то время как «в Британской империи мы находимся в середине пути второго года»¹⁰. У. Черчилль, как позже стало ясно, ошибался в деталях (пик немецкого производства пришелся на 1944 г.), однако его слова отражали доминировавший в Лондоне настрой на постепенное наращивание сил по ходу войны. Критикуя подобную точку зрения, У.С. Моэм 21 октября 1939 г. писал одному из своих

⁹ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 8 т. Т. 2 / Науч. ред. Н.С. Лебедева. М.: Юридическая литература, 1988. С. 240.

¹⁰ C-43x: Letter, draft, non sent, November 1940 // Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. 1 / Ed. by W.F. Kimball. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 95.

друзей о том, что война «едва ли затянется на три года, вопреки ожиданиям и соответственно приготовлениям британцев» [Морган, 2002: 322].

Сложное сочетание изначально присутствовавших элементов «тотальности», с одной стороны, и постепенности их реализации на практике — с другой характеризовало не только экономику, но и еще одну важную грань войны — средства и методы ведения боевых действий. Простое противопоставление «блицкрига» и «тотальной войны» представляется неточным не только ввиду того, что нацистское руководство отнюдь не было уверено в возможности быстрых побед. Образ «блицкрига» как результата действий умелого командования (который бывшие нацистские военачальники создавали в своих мемуарах) и применения новейшей боевой техники был призван не только возвеличить немецкий «военный гений», но и скрыть взаимосвязь «блицкрига» и преступных действий нацистских властей и вермахта. Скорее можно согласиться с норвежским экспертом Р. Гобсоном, отмечавшим, что «“блицкриг” не был альтернативой тотальной войны, но ее выражением, или, точнее, наконечником» [Hobson, 2010: 635].

Органическая взаимосвязь «блицкрига» и реализации преступных идеологических целей нацизма особенно очевидно проявилась в действиях немцев в Восточной Европе, где нанесение военного поражения противнику рассматривалось лишь как первый шаг к его почти тотальному уничтожению, а также в подходах к «еврейскому вопросу». В своей речи в рейхстаге 6 октября 1939 г., после победы над Польшей, А. Гитлер заявлял о стремлении «урегулировать и решить еврейскую проблему» в широком контексте «этнической реорганизации жизненного пространства в целом». Такая «реорганизация» должна была затронуть «почти все страны Южной и Юго-Восточной Европы» [Germany and the Second World War, 2008: 293]. Состоявшееся на следующий день назначение Г. Гимmlера «рейхскомиссаром по утверждению германской расы» предвещало масштабную политику по «очищению» территории генерал-губернаторства (бывшие земли западной и центральной Польши) для немецких колонистов за счет евреев и поляков, сочтенных непригодными к ассимиляции; а также дальнейшую разработку планов «еврейской резервации», которые были затем заменены «окончательным решением». Представители генералитета вермахта, позже нередко стремившиеся снять с себя ответственность за военные преступления, также уже до сентября 1939 г. настраивали

своих подчиненных на подготовку к «войне на уничтожение» в Восточной Европе. Начальник Управления вооружений ОКХ генерал артиллерии К. Беккер в лекции, прочитанной офицерам 20 июня 1939 г., рисовал картину экономических проблем Германии и считал способом их решения и целью войны «расширение жизненного пространства», предполагавшее «тотальное искоренение, а возможно, и уничтожение целых [национальных и социальных. — *И.М.*] групп противника» [Germany and the Second World War, 2000: 461].

В этом отношении развитие боевых действий усиливало те элементы сознательной и преступной «тотализации», которые присутствовали в нацистской программе изначально. Проводившаяся параллельно с Польской кампанией вермахта операция по уничтожению людей с психическими расстройствами (так называемый декрет об эвтаназии, датированный задним числом 1 сентября 1939 г., что дополнительно подчеркивало его взаимосвязь с началом боевых действий) была зловещей демонстрацией того, как война на фронтах увязывалась нацистами с ликвидацией «нежелательных элементов» в тылу. С принятием Атлантической хартии (14 августа 1941 г.), воспринятой как пролог вступления США в войну, а также с ожиданиями скорого разгрома Советского Союза немецкий историк Т. Йерзак связывает поворот гитлеровского руководства к «окончательному решению» «еврейского вопроса» и отказ от дальнейшего рассмотрения обсуждавшихся ранее вариантов, таких как депортация с континента (на Мадагаскар или на Ближний Восток), создание «еврейской резервации» в Европе, использование евреев в качестве «заложников» для дипломатического и иного торга с США, воспринимавшимися нацистами как центр «мирового еврейства», и с Великобританией — средоточием «европейского еврейства». Все эти сценарии были нацелены на уничтожение еврейского населения (предполагалось создать такие условия, при которых оно исчезнет в результате «естественной убыли»), однако поворот к варианту прямого физического уничтожения в концлагерях, утвержденному позднее на Ванзейской конференции в январе 1942 г., был замечен в гитлеровских планах уже летом 1941 г. [Jersak, 2003; Germany and the Second World War, 2008: 287–332].

Об органичной связи «блицкрига» и сознательной «тотализации» войны немецким руководством наглядно говорило и планирование операции «Барбаросса». 3 марта 1941 г. А. Гитлер настраивал командование вермахта на то, что «предстоящая кампания — не просто битва оружия, она приведет к столкновению

противостоящих друг другу идеологий. Для завершения этой войны недостаточно разбить противника на поле битвы. <...> Еврейско-большевистская интеллигенция, подавлявшая до этого народ, должна быть устранена» [Germany and the Second World War, 2008: 299]. Серией указаний и приказов марта–июня 1941 г. — от «инструкции об особых областях» от 13 марта, расширявшей полномочия ведомства Г. Гимmlера¹¹, до «приказа о комиссарах» от 6 июня, утверждавшего, что «в борьбе с большевизмом на соблюдение врагом принципов гуманности или международного права рассчитывать нельзя!» [Якобсен, 1995: 246], — нацистское руководство и ОКВ сознательно внедряли в умы исполнителей и подчиненных образ бесчеловечной войны на уничтожение. При этом многие гитлеровские генералы, призванные реализовать «блицкриг» в оперативном и техническом отношении, вполне разделяли сформулированные нацистами идеологические императивы. 25 апреля 1941 г. генерал-полковник Г. фон Кюхлер, командующий 18-й армией в составе группы армий «Север», четко инструктировал своих подчиненных о том, что «глубокая идеологическая и расовая пропасть отделяет нас от России». Последнюю он считал «азиатским государством», отмечая, что «целью является уничтожение европейской России» [Bartov, 1994: 128].

Симбиоз военно-оперативной и идеологической составляющих «блицкрига» находил наглядное выражение в том, что «молниеносная кампания» на Востоке означала не только наступление танковых колонн и пехоты, поддержанных авиацией, но и следование за ними айнцагрупп СС¹² и РСХА¹³, уничтожавших «неудобные элементы» в тылу немецких войск. Даже в условиях олицетворявшего «блицкриг» быстрого продвижения вермахта по советской территории налицо был масштабный террор, и это доказывает, что нацисты использовали войну как удобное средство для «расового реформатирования» Восточной Европы. Так, первые 6 месяцев наступления на СССР оказались самыми губительными для советских военнопленных (из 3,35 млн человек, оказавшихся в плену в 1941 г., к декабрю погибли 1,4 млн), количество убитых среди гражданского населения (евреи, госу-

¹¹ Нюрнбергский процесс. Т. 3 / Отв. ред. А.Я. Сухарев. М.: Юридическая литература, 1989. С. 547–550.

¹² СС — «охранные отряды» (Schutzstaffeln, SS), военизированные подразделения НСДАП.

¹³ РСХА — Главное имперское управление безопасности (Reichssicherheitshauptamt, RSHA), полицейский орган в Третьем рейхе.

дарственные служащие, гражданские лица) оценивается к концу 1941 г. в 500 тыс. человек [1937–1947: *La guerre-monde*, 2015b: 1754].

Уровень жестокости и бесчеловечности при ведении Германией войны на Западе Европы был значительно ниже, чем на Востоке. Сообщая осенью 1941 г. о сожжении очередной советской деревни в качестве репрессии за убийство немецкого офицера, один из сержантов почти дежурно оправдывал это тем, что «военная кампания на Востоке очень отличается от кампании на Западе» [Bartov, 1994: 158]. Подобная констатация, безусловно, никоим образом не призвана занизить преступный характер действий нацистов в других частях Европы, а лишь подчеркивает различие в степени реализации бесчеловечного замысла. Всё же возможности для некоторого ограничения тотального характера войны на Западе Европы оставались выше, чем на Востоке, на протяжении всего конфликта.

Уже с сентября 1939 г. власти различных держав, руководствуясь собственными интересами, периодически выступали с разного рода инициативами по уменьшению жестокости боевых действий. Эти призывы не могли отменить процессы «тотализации» войны, но всё же говорили о попытках несколько снизить их масштабы. Советский полпред в Париже Я.З. Суриц, комментируя содержание англо-французской декларации от 3 сентября 1939 г. о принципах и линии поведения в войне, отмечал: в этом документе «торжественно заверяется, что будут щадиться гражданское население и памятники цивилизации»¹⁴. В октябре советская сторона, исходя из собственных интересов, также выступала против британских мер блокады и воздушной войны, ссылаясь на их противоречие «общеизвестным принципам международного права»¹⁵.

Определенное стремление не раскручивать маховик войны на полную, что вызвало бы симметричные ответные действия противника, было заметно первоначально и в действиях британского руководства. Кабинет министров Великобритании и Адмиралтейство вплоть до марта 1940 г. стремились ограничить меры по осуществлению блокады в Средиземном море, следовать международному праву и не топить торговые суда. Однако вступление в войну Италии в июне, а также коллаборационистский курс режима Виши в Южной Франции стимулировали Лондон ужесточить свой подход [Hammond, 2013: 795]. «Наше намерение

¹⁴ Суриц — НКВД, 4 сентября 1939 г. // ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 22.

¹⁵ Нота Молотова, 25 октября 1939 г. // Там же. С. 216.

состоит в том, чтобы поддерживать и усиливать жесткую блокаду не только Германии, но также Италии и Франции и всех иных стран, попавших под немецкое господство», — подчеркивал У. Черчилль в Палате общин 20 августа 1940 г.¹⁶ Вместе с тем реальные действия англичан в отношении вишистских гражданских кораблей нередко были мягче, чем риторика британского руководства.

У Советского Союза, столкнувшегося после июня 1941 г. со всей мощью и жестокостью вермахта, опасения и нежелание британцев использовать весь арсенал в борьбе с противником вызывали недовольство, которое в периоды напряженности в двусторонних отношениях доходило у И.В. Сталина до прямых подозрений в возможном англо-германском «сговоре» [Печатнов, Магадеев, 2015: 270]. Советский полпред в Лондоне И.М. Майский всё же пытался убедить Кремль в том, что за действиями Уайтхолла нередко стоят эгоистичные, но прагматичные и менее зловещие мотивы. С точки зрения дипломата, У. Черчилль отказывался от бомбардировок Берлина, поскольку не хотел, «чтобы немцы в ответ бомбили Лондон»¹⁷.

Таким образом, процесс «ликвидации границ, сдерживающих ведение войны», который немецкий историк Й. Эхтернкамп считает одним из важных проявлений «тотализации» [Echternkamp, 2013: 192], был изначально заложен в нацистской программе применительно к целому ряду народов и этнических групп (евреям, славянам, цыганам). Можно согласиться с немецким историком Й. Фёрстером, полагавшим, что «война, которую Гитлер начал в сентябре 1939 г., была тотальной с самого начала, поскольку он преследовал неограниченные цели идеологического характера, и эти цели определяли концепцию и способы осуществления военных действий» [A world at total war., 2005: 91]. Вместе с тем конкретные шаги по реализации нацистских целей нередко были привязаны к постепенной «глобализации» войны в виде расширения ее территориальной сферы и подключения новых участников.

* * *

По аналогии с тем, как элементы «тотализации» присутствовали в стратегиях великих держав уже с сентября 1939 г. (а от-

¹⁶ Hansard. Parliamentary Debates. 5th Ser. Vol. 364. Col. 1161.

¹⁷ Майский — Сталину, 23 октября 1942 г. // ДВП. Т. 25 / Ред. колл.: В.Г. Титов и др. Кн. 2. Тула: Гриф и К, 2010. С. 299.

части — и ранее), хотя основные боевые действия приняли форму молниеносных кампаний вермахта, расширение географической сферы войны потребовало определенного времени, притом что элементы «глобализации» наблюдались с самого начала. Неожиданные «блицкриги» задали не только своеобразный рваный ритм развития войны, но и в случае успеха позволяли Германии идти к доминированию не за счет столкновения с коалицией враждебных государств на различных фронтах, а шаг за шагом — путем проведения отдельных локализованных военных операций, территориальные сферы которых не смыкались друг с другом. Как писал позднее И.В. Сталин, «гитлеровцы хотят бить своих противников поодиночке»¹⁸. По словам немецкого историка С. Мартенса, «в нацистской доктрине война одновременно была и средством, и целью самой по себе; она должна была сокрушить противников как можно быстрее, но как таковая она должна быть отнюдь не молниеносной», развиваясь на протяжении длительного времени [1937–1947: *La guerre-monde*, 2015a: 183]. За установлением германской гегемонии в Европе должна была последовать еще более грандиозная «война континентов» — противостояние с США, в рамках которого Великобритания, что не исключалось А. Гитлером, могла выступить на стороне нацистов [Hillgruber, 1974].

Можно согласиться с идеей о том, что ситуация «незавершенной биполярности», характерная для 1938–1939 гг., была «важным и необходимым» условием для начала германской агрессии [Сетов, 2015: 722]. Стратегия «блицкрига» во многом держалась на возможности разбивать противников поодиночке и использовать фактор нейтралитета не вовлеченных в войну государств, позволявший избегать войны на два фронта или более. В этом смысле «блицкриги» были реализуемы именно в тот специфический период Второй мировой войны, когда процесс «биполяризации» мира в виде образования двух противостоящих друг другу коалиций, вобравших в себя все ключевые державы, и «окончательной глобализации войны» [1937–1947: *La guerre-monde*, 2015a: 357] не был еще завершен.

«Сцепление» друг с другом отдельных военных операций рано или поздно грозило Германии возрождением традиционной проблемы войны на несколько фронтов. В преддверии Польской

¹⁸ Сталин — Майскому, 30 августа 1941 г. // СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. М.: Международные отношения, 1996. С. 114.

кампании А. Гитлер всё еще опасался активных действий держав Антанты. В директиве № 1 от 31 августа 1939 г. он приказывал в случае наступления войск Франции и Великобритании на Западе сдерживать их с опорой на укрепления по западной границе Германии («линия Зигфрида») и не исключал даже подрыва приграничных мостов в случае вступления французских войск в Люксембург¹⁹. После победы над Польшей фюрер чувствовал себя уже более уверенно. В речи от 23 ноября 1939 г. он заверял своих военных, что «в первый раз за последние 67 лет» [т.е. с момента окончания франко-германской войны 1870—1871 гг. — *И.М.*] Германии не придется сражаться на два фронта, подчеркивая тем самым роль советского нейтралитета²⁰. Наконец, на совещании с верхушкой ОКВ 21 июля 1940 г., после ликвидации Западного фронта и начала проработки будущей операции «Барбаросса», А. Гитлер заявлял, что стратегическое положение было «значительно более благоприятным для нас, чем в [Первой. — *И.М.*] мировой войне. В 1918 г. Западный фронт пожирал огромные силы» [Якобсен, 1995: 115].

В целом в рассматриваемый период расширение географии войны происходило прежде всего за счет агрессивных действий Германии. Одной из специфических черт хронологического отрезка до декабря 1941 г. было то, что А. Гитлер, с одной стороны, пользовался имевшимися у него преимуществами и сложившейся международной обстановкой, но с другой — постепенно расширял число своих противников, неизбежно исчерпывал подобные преимущества и сам усиливал тенденции «глобализации» войны.

Вместе с тем эти тенденции присутствовали изначально, и их нельзя было сводить только к германским действиям. Уже с 1937 г. война шла в Китае; при этом конфликт, начавшийся в Европе в сентябре 1939 г., не ограничивался этим регионом. Х. Строн, акцентируя идею о том, что Первая мировая война носила глобальный характер уже с 1914 г., подчеркивал не только центральное место Европы в тогдашней системе международных отношений, но и роль колониальных империй — Великобритании и Франции, что автоматически расширяло географический размах столкновения [Strachan, 2010: 6—7]. То же самое во многом можно было сказать и о периоде после сентября 1939 г., хотя усилившаяся по сравнению с 1914 г. самостоятельность доминионов

¹⁹ Hitler's war directives 1939—1945 / Ed. by H.R. Trevor-Roper [1964]. 2nd ed. Edinburgh, 2004. P. 38—40.

²⁰ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 237.

несколько осложняла «автоматизм» их поддержки Великобритании. Всё же после Австралии и Новой Зеландии (3 сентября) Южно-Африканский Союз (6 сентября) и Канада (10 сентября) вступили в войну. Это не отменяло определенных проблем в реальной координации военных усилий Великобритании и доминионов. Как писал позднее генерал-майор И. Джейкоб, один из ближайших помощников У. Черчилля, доминионы в довоенный период заботились о своей самостоятельности и «не были готовы разрешить какую-либо подготовку к войне, которая охватывала бы всю империю. <...> Взаимодействие между правительствами империи по вопросам обороны было более слабым, чем взаимодействие правительства Великобритании и Франции»²¹. Вступление в войну Италии 10 июня 1940 г. в свою очередь усилило и ее африканское «измерение».

«Британский фактор» в расширении географического размаха войны имел и дополнительные аспекты. В условиях нейтралитета США именно Лондон контролировал основное средство тогдашней глобальной войны — флот, призванный обеспечить блокаду Германии. В официальной истории блокады в период Первой мировой войны, написанной отставным офицером ВМФ Великобритании А. Беллом в 1937 г., всячески подчеркивалось ее влияние на ослабление тыла Германии и рост недовольства войной со стороны немецкого гражданского населения [Strachan, 2003: 47–48; Hammond, 2013: 793–794]. 23 мая 1939 г., оповещая германский генералитет о грядущих действиях против Польши, А. Гитлер держал в уме угрозы блокады и нехватки продовольствия²².

Оценивая возможные последствия блокады для Германии, исследователи утверждают, что «в случае войны <...> с относительной безопасностью могло быть обеспечено только 44,4% необходимого [для германской экономики. — *И.М.*] продовольственного и 33% сырьевого импорта» [Germany and the Second World War, 1990: 351]. В этом смысле усиленное экономическое сотрудничество с Советским Союзом (пусть оно не было односторонним и приносило определенные выгоды и Москве) облегчало положение Германии и ослабляло многие из мер британской блокады. В письме от 25 августа 1939 г., адресованном А. Гитлеру, министр экономики В. Функ докладывал, что торговля с СССР

²¹ COS (45) 614 (O), Memo by Jacob, 12 October 1945 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Office 80/97. F. 271.

²² Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 226.

обеспечит потребности рейха в течение двух лет войны [Germany and the Second World War, 2000: 422]. В расчетах экспертов его ведомства, озвученных на внутреннем совещании 21 сентября 1939 г., благодаря советским поставкам планировалось покрыть почти половину общих импортных потребностей Германии (последние оценивались в 2 млрд марок, что составляло ок. 80% довоенного объема) [Germany and the Second World War, 2000: 458].

В советских оценках периода плотного сотрудничества с Германией именно Великобритания рассматривалась в качестве основного протагониста расширения войны на новые территории, а советско-германский договор о ненападении позиционировался как способ сузить «поле возможных военных столкновений в Европе»²³. Особенно серьезными опасения Москвы по поводу расширения географии вооруженных конфликтов были в период советско-финляндской «зимней войны» 1939–1940 гг. «Англия стремится столкнуться с позиции нейтралитета как Швецию, так и Норвегию», — говорил нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов немецкому послу Ф. Шуленбургу 7 января 1940 г.²⁴ Обсуждение различных сценариев «скандинавской операции» действительно активизировалось в этот период в Лондоне [Kelly, 2009], хотя основным «застрельщиком» несостоявшегося англо-французского десанта для содействия Финляндии выступал Париж [Рео, 2009: 208–209]. 17 апреля 1940 г., оценивая итоги и уроки «зимней войны» на совещании с военными и партийными деятелями, И.В. Сталин стремился продемонстрировать сложность тогдашней международной обстановки: «Мы знали, что финнов поддерживают Франция, Англия, исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы, поддерживает Америка, поддерживает Канада...»²⁵.

В Москве опасались возможного распространения войны не только на северный фланг западных границ СССР, но и на южный. В подробном письме в Москву от 6 ноября 1939 г. полпред в Турции А.В. Терентьев приходил к выводу, что «целиком включившись в орбиту англо-французской внешней политики, Турция форсированно идет к участию в конфликте, выступая на

²³ Речь наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова 31 августа 1939 г. в Верховном Совете СССР // Известия. 1939. 1 сент.

²⁴ ДВП. 1940. Т. 23 / Ред. колл.: Г.Э. Мамедов и др. Кн. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 25.

²⁵ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.): Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании / Отв. сост. Н.С. Тархова. М.; СПб.: Летний сад, 2004. С. 33.

стороне Англии и Франции»²⁶. Верно отмечая первенство Парижа в развитии идей об эвентуальных бомбардировках Баку, которые обсуждались британским и французским правительствами в период «зимней войны», И.М. Майский сообщал в Москву, что прелюдией к конфликту Антанты с СССР «должен был быть разрыв дипломатических отношений с ним со стороны Англии и Франции. Французы здесь шли в авангарде...»²⁷. Наконец, характеризуя множественность потенциальных угроз, перед которыми стоял СССР, и нарком обороны маршал С.К. Тимошенко на совещаниях высшего командного состава РККА 31 декабря 1940 г. отмечал, что «мы имеем несколько театров возможной войны, кроме Западного, такие как: Ближневосточный, Средне-восточный, Дальневосточный, Прибалтийско-Скандинавский»²⁸.

Опасения относительно расширения сферы распространения войны соседствовало в официальных и закрытых оценках Кремля и НКВД²⁹ с подчеркиванием преимуществ от «нейтрального» статуса Советского Союза, притом что последний на деле обернулся плотным сотрудничеством с Германией, хотя и не стал, как подчас утверждалось в западной литературе, «альянсом» [Чубарьян, 2008; Gab es einen Stalin-Hitler-Pakt, 2015]. Как говорил И.В. Сталин в своем узком кругу 7 сентября 1939 г., «мы не прочь, чтобы они [капиталистические страны. — *И.М.*] подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было [бы] расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)»³⁰. Распад Версальского порядка и резкое ослабление позиций западных держав на Востоке Европы предоставили Москве возможность расширить территорию СССР и укрепить свое влияние за счет лимитрофов: «Сталину удалось получить от Гитлера намного больше, чем мог предложить ему демократический Запад» [Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2012: 248].

Вовлечение в боевые действия нейтральных государств, прежде всего СССР и США, было важным обстоятельством, характеризовавшим постепенное усиление процессов «глобализации» и «тотализации» войны. Уже 2 октября 1939 г. И.В. Сталин, требуя от латвийской делегации во главе с министром иностран-

²⁶ ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 269.

²⁷ Письмо Майского, 26 января 1940 г. // Там же. Т. 23. Кн. 1. С. 54.

²⁸ 1941 год. Кн. 1. С. 474.

²⁹ НКВД — Народный комиссариат иностранных дел СССР.

³⁰ Из дневника Г. Димитрова, 7 сентября 1939 г. // Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. С. 779–780.

ных дел В. Мунтерсом заключения договора о взаимопомощи, говорил о том, что «на войне нейтралов больше не будет»³¹. Если сам сохранявшийся «нейтральный» статус крупных государств служил своего рода преградой на пути «глобализации» войны, то относительный характер подобного нейтралитета СССР (сотрудничество с Германией) и США (поддержка Антанты) свидетельствовал о том, что процессы поляризации мира затрагивали их и до официального вступления в конфликт.

Прогерманский крен советского нейтралитета при этом всё же был предпочтительнее для Великобритании и Франции, чем еще более плотные формы взаимодействия Москвы и Берлина. 19 сентября 1939 г. Я.З. Суриц сообщал из Парижа: «...вопрос о том, будет ли СССР поддерживать Германию на Западном фронте», «довлест над всеми другими и составляет предмет всех забот и тревог». Французы «будут крепко цепляться за объявленный нами нейтралитет и будут избегать всего, что способно нас из него вывести»³². Надеждами на «сдержанную» позицию Советского Союза в разгоравшемся конфликте в Европе тогда действительно были проникнуты и донесения французского посольства из Москвы, и аналитические записки управлений французского МИД³³.

Наличие нейтральных государств не только физически ограничивало «глобализацию» конфликта, но и создавало определенные возможности посредничества для прекращения боевых действий. На исполнителей подобной роли, с точки зрения сотрудников НКВД, претендовали различные державы. Слухи о возможной посреднической роли Италии существовали с сентября 1939 г., однако всплески этих идей соседствовали со скепсисом относительно их реалистичности. 21 октября 1939 г. И.М. Майский передавал в Москву слова нового итальянского посла в Великобритании Дж. Бастианини о том, что «Рим пока не собирается выступать с посредничеством, так как не верит в возможность соглашения в настоящий момент»³⁴.

³¹ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 г. — август 1940 г. / Ред. колл.: В.Г. Комплектов и др. М.: Международные отношения, 1990. С. 78.

³² ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 104.

³³ Payart à Bonnet, 6 septembre 1939; Note du Sous-département Asie-Océanie, 8 septembre 1939 // Documents diplomatiques français (DDF) 1939–1944 / Sous la dir. d'A. Kaspi. Vol. 1. Bruxelles: P.I.E. Lang, 2002. P. 14–15, 48–49.

³⁴ ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 206.

Остававшиеся нейтральными Соединенные Штаты также рассматривались НКИД как держава, способная выступить посредником. Повышенную настороженность Москвы в феврале—марте 1940 г. вызвала поездка по европейским столицам заместителя государственного секретаря С. Уэллеса, известного своими тесными связями с Ф. Рузвельтом. Несмотря на попытки посла США в СССР Л. Штейнгардта убедить НКИД в том, что миссия С. Уэллеса прежде всего преследует цель сбора информации о текущей ситуации в Европе³⁵, сведения, поступавшие в Москву от собственных полпредов, указывали на более серьезный характер этой поездки. В телеграмме от 3 марта из Вашингтона полпред К.А. Уманский полагал, что с помощью миссии С. Уэллеса Ф. Рузвельт не только стремится повысить свой престиж внутри США в преддверии президентских выборов в ноябре, но и преследует целый ряд иных целей: оттянуть ожидаемое германское наступление на Западном фронте; заверить Великобританию и Францию в продолжающемся оказании помощи; ослабить советско-германское сотрудничество и подготовить «Скандинавский, Балканский и Ближневосточный фронты против нас»; получить от Лондона уступки «в области контроля контрабанды» и стимулировать общее «усиление экономического влияния США в Европе, ослабленной в исходе войны...»³⁶.

Отнюдь не исключались также различные варианты прямого прекращения конфликта между Германией и Великобританией за счет двусторонней договоренности. Разброс позиций в Лондоне, где всё еще были сильны «умиротворители», соседствовал с различием мнений и в Берлине: англофобия главы МИД Й. фон Риббентропа сосуществовала с более изменчивой и «гибкой» точкой зрения А. Гитлера, периодически возвращавшегося к идее договоренности с «расово близкими» англичанами, в том числе на антисоветской основе [Fieldhouse, 1971]. Фиксируя некоторые тогдашние настроения в Берлине, американский поверенный в делах Д. Хит телеграфировал в Вашингтон 20 июня 1940 г. об отсутствии планов «разгрома Великобритании» и о надеждах, что последнюю удастся использовать как «подчиненного союзника Германии в кампании против Советской России, которую планируется организовать весной 1941 г.»³⁷

³⁵ Запись беседы Молотова со Штейнгардтом, 8 марта 1940 г. // ДВП. Т. 23. Кн. 1. С. 136.

³⁶ Там же. С. 118—119.

³⁷ Heath to Hull, 20 June 1940 // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1940. Vol. 1. Washington: GPO, 1959. P. 263.

Указанные идеи о прекращении войны и соглашениях держав из противоположных лагерей остались на уровне проектов и слухов, но всё же они были показательны для рассматриваемого периода. Тенденции «глобализации» конфликта соседствовали с сохранявшимися рефлексамы мыслить не в категориях двух противостоящих друг другу коалиций-антагонистов, а в рамках представлений о многополярности и дипломатической вариативности. Своеобразная «биполяризация» международных отношений в виде образования двух систем союзов, которую американский политолог Дж. Васкес считает одним из «необходимых условий» возникновения «больших войн» (наряду с многополярным распределением мощи и отсутствием у двух враждебных блоков точного представления о возможностях друг друга) [Vasquez, 1993: 248], произошла не в сентябре 1939 г., а скорее лишь к декабрю 1941 г.

Примером, показательным для специфики тогдашней ситуации, является «двойная игра» [Frank, 1992] вишистской Франции. Несмотря на растущий коллаборационизм, А.Ф. Петен стремился не ограничивать свою внешнюю политику лишь «германским вектором», сохраняя каналы связи с Лондоном (официальные отношения с ним были разорваны после британского нападения на вишистский флот в Мерс-эль-Кебире 3 июля 1940 г., хотя до объявления войны дело не дошло), а также с Вашингтоном и Москвой. Официальный нейтралитет Виши, как хотелось верить А.Ф. Петену и его заместителю П. Лавалю, открывал перед марионеточным государством возможности для дипломатического маневрирования с расчетом на компромиссное завершение войны.

Представители вишистского руководства и дипломаты неоднократно заверяли американцев в значении дружбы с США, полноценные дипломатические отношения с которыми поддерживались Виши вплоть до ноября 1942 г. Инструкции, составленные в конце июля 1940 г. министром иностранных дел П. Бодуэном для нового французского посла в Вашингтоне Г. Анри-Э, были проникнуты идеей поддержания сотрудничества с американцами, которые, как считал министр, в качестве «внешней силы» могли сыграть решающую роль в случае затягивания войны в Европе [Litsky, 1986: 10–11, 45–46]. Однако попытка «расшатать» англо-американскую солидарность ссылками на «жестокий эгоизм» Великобритании и ее незаинтересованность в судьбе

континентальных стран, которую А.Ф. Петен предпринимал в разговорах с американскими дипломатами³⁸, не приносила успеха. МИД Виши был очевидно разочарован американской реакцией на Мерс-эль-Кебир и поддержкой Вашингтоном британских действий³⁹.

Тем не менее ставка на «американский фактор» сохранялась. В начале сентября 1941 г. немецкий посол в Париже О. Абетц весьма точно уловил настроения А.Ф. Петена и его окружения, отметив: в вишистском правительстве «считают, что из текущей войны победителем выйдет не только Германия, но также и Соединенные Штаты. Как следствие, Франция могла бы получить максимум преимуществ из условий мирного договора в том случае, если бы ей удалось поддерживать одинаково хорошие отношения с двумя державами...» [Saul, 1963: 367].

О неоднозначности тогдашней международно-политической ситуации, отражавшейся в зеркале вишистской дипломатии, говорила и позиция коллаборационистских властей применительно к СССР. С одной стороны, Москва рассматривалась в тот период как партнер Германии, стоявший в этом смысле по «одну сторону баррикад» вместе с Виши. С другой стороны, прошлые французские концепции «европейского равновесия» и восточного противовеса Германии не были полностью забыты. Посольство в Москве во главе с Э. Лабонном (занимал пост с июня 1940 г. по апрель 1941 г.) неоднократно отмечало различные советско-германские противоречия, связывая их прежде всего с вопросами балканской политики, и не исключало эвентуального конфликта СССР и Германии⁴⁰. В целом, как отмечает французский историк Ж.-А. Суту, для вишистской дипломатии была характерна «идея быстрого достижения мира на договорной основе в духе “европейского концерта” XIX века и Венского конгресса, позволяющего Франции выпутаться из сложной ситуации, используя одновременно все свои связи с разными ведущими державами...» [Суту, 2006: 79]. В условиях растущей «тотализации» и «глобализации» войны подобные концепции выглядели всё большим анахронизмом.

³⁸ Murphy to Hull, 7 August 1940 // Ibid. 1940. Vol. 2. Washington: GPO, 1957. P. 380.

³⁹ Note du Département, 14 juillet 1940 // DDF 1939–1944. Vol. 4. Pt. 2. Bruxelles: P.I.E. Lang, 2009. P. 39.

⁴⁰ Labonne à Flandin, 7 janvier 1941; 10 janvier 1941 // Ibid. Vol. 5. Bruxelles: P.I.E. Lang, 2015. P. 14–15, 30–32.

Внутренняя амбивалентность рассматриваемого периода Второй мировой войны, в котором уже были заметны черты «тотализации» и «глобализации», притом что последние еще не приняли окончательных форм, отражалась в дальнейшем и в двойственности исследовательских оценок. В 1985 г. британский историк Р. Хениг отмечала, что «германское вторжение в Польшу само по себе не привело к крупной европейской или мировой войне» [Henig, 2005: 59]. Позиция другого британского эксперта Р. Овери, высказанная в 1987 г., была более нюансированной: «Важно понимать, что конфликт, начавшийся в 1939 г., был не просто европейской, а мировой войной» [Overy, 2017: 84]. Исследователь акцентировал, что уже с сентября 1939 г. в это противостояние включились колониальные владения и доминионы Великобритании и Франции, против Германии стали применяться в глобальном масштабе методы экономической войны, вступление Италии в конфликт расширило его сферу на Средиземноморье, а Япония «использовала кризис в Европе, дабы укрепить свои позиции в Восточной Азии» [Overy, 2017: 84]. Тем не менее вывод историка состоял в том, что «до 1941 г. ключевым вопросом войны оставалось доминирование на Европейском континенте со стороны одной из европейских великих держав. Лишь после нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 г. и Японии — на Соединенные Штаты в декабре того же года война приобрела по-настоящему всемирное измерение и стала подлинным соревнованием за глобальное доминирование...» [Overy, 2017: 84]. Американский историк Р. Чикеринг и его швейцарский коллега Ш. Фёрстер склонны, однако, делать оговорки. Несмотря на «глобализацию» и «тотализацию» Второй мировой войны, которая приняла наиболее «тотальные» черты на советско-германском фронте, воплотившиеся в нацистском геноциде целого ряда народов, война в целом, с их точки зрения, по-своему была лимитирована: «В то время как театры военных действий растянулись по всему земному шару, основные сражения всё же происходили в Центральной и Восточной Европе и в Восточной Азии. Значительные части планеты, в том числе Африка южнее Сахары и всё Западное полушарие, остались вне сферы действия войны. Уничтожение гражданского населения и собственности характеризовалось теми же географическими рамками. Мобилизация экономик на военные нужды отнюдь не была одинаково “глубокой”» [A world at total war., 2005: 7].

Таким образом, картина развития Второй мировой войны в период с сентября 1939 г. по декабрь 1941 г. по ряду параметров отличалась от хрестоматийного образа тотального и глобально-вооруженного конфликта. Затяжной и длительный характер войны не был очевиден в «период блицкригов» и в условиях сохранявшихся идей о возможности компромиссного мира. Перевод экономик на военные рельсы, подсказанный уроками Первой мировой, был начат уже на ранних стадиях конфликта, однако не был одномоментным. Изначально присутствовавшая в нацистской политике нацеленность на тотальный характер ведения войны — будь то в плане дальнейшей милитаризации экономики и жизни тыла или в наличии преступных целей по истреблению целого ряда народов и социальных групп — также развивалась во времени, и шаги по ее реализации были привязаны к развитию военных действий.

Двойственность характеризовала и процессы «глобализации» войны. Заметные изначально тенденции территориальной экспансии, затрагивавшие не только Европу, но и колонии Великобритании, Франции, а также Северную и Восточную Африку после вступления Италии в войну, фактор глобального противостояния на море соседствовали с противоположными трендами: официальным нейтралитетом крупных государств, ожиданиями их возможного посредничества в прекращении боевых действий, неопределенностью в итоговом составе формировавшихся коалиций великих держав и сохранением ситуации дипломатической вариативности. И если в итоге процессы «тотализации» и «глобализации» конфликта развивались по нарастающей, то сам путь от «европейской» к «мировой» войне не был столь прямолинеен, как могло показаться при взгляде из периода после 1945 г.

В целом уточнение динамики развития Второй мировой войны с сентября 1939 г. по декабрь 1941 г. демонстрирует, что «монолитные» образы тотального и глобального конфликта могут скрывать ряд его важных неоднозначных черт: своеобразную «преемственность» между периодом до и после 1 сентября 1939 г.; роль малопредсказуемых факторов в развитии «блицкригов», первоначальный успех которых оказался неожиданным и для самих нацистов; долго сохранявшуюся неясность относительно сроков войны и окончательного состава ее участников. Несмотря на, казалось бы, всестороннюю изученность, концептуальное

осмысление столь сложного и судьбоносного явления, как Вторая мировая война, на наш взгляд, отнюдь не завершено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 2 / Ред. колл.: О.А. Ржешевский и др. М.: Кучково поле, 2012.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 7 / Ред. колл.: В.В. Панов и др. М.: Кучково поле, 2013.
3. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз [1999] / 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008.
4. Дашичев В.И. Проблема борьбы на два фронта в стратегии германского милитаризма // Германский империализм и милитаризм: Сборник статей / Отв. ред. А.С. Ерусалимский. М.: Наука, 1965. С. 152–193.
5. Кокошин А.А. Блицкриг и структура революции в военном деле // Клио. 2015. № 12 (108). С. 96–109.
6. Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / Под ред. М.М. Наринского, С. Дембского. М.: Аспект-Пресс, 2009.
7. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М.: Вече, 2000.
8. Морган Т. Сомерсет Моэм: биография. М.: Захаров, 2002.
9. Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны / Под общ. ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, 2015.
10. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2007.
11. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Издательство Московского университета, 2014.
12. Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.
13. Рео Э. дю. Внешняя политика Франции и франко-советские отношения в первые месяцы «Странной войны» (сентябрь 1939 — март 1940) // Вестник МГИМО-Университета. 2009. Спец. выпуск. С. 204–210.
14. Сетов Р.А. Потенциальная реальность или неизбежность? К вопросу о происхождении Второй мировой войны // Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945 гг.: Научный сборник / Отв. ред. С.П. Карпов, И.И. Тучков. М.: Издатель Степаненко, 2015. С. 716–727.
15. Суту Ж.-А. Виши и место СССР в европейской системе // СССР и Франция в годы Второй мировой войны: Сборник научных статей / Отв. ред. М.М. Наринский. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 77–105.
16. Тимофеев И.Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. № 4. С. 8–34.
17. Фомин В.Т. Фашистская Германия во Второй мировой войне. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М.: Наука, 1978.
18. Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М.: Наука, 2008.

19. Якобсен Г.-А. 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы [1959] // Вторая мировая война: два взгляда. М.: Мысль, 1995. С. 7–374.
20. 1937–1947: La guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. T. 1. Paris: Gallimard, 2015.
21. 1937–1947: La guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. T. 2. Paris: Gallimard, 2015.
22. Bartov O. Hitler's army: Soldiers, Nazis, and war in the Third Reich. New York: Oxford University Press, 1994.
23. Childs D. Britain since 1939: Progress and decline. London: Palgrave, 1995.
24. Echternkamp J. 1914–1945: A second Thirty years war? Advantages and disadvantages of an interpretive category // Imperial Germany revisited: Continuing debates and new perspectives / Ed. by C. Torp, S.O. Muller. New York: Berghahn Books, 2013. P. 189–201.
25. Fieldhouse N. The Anglo-German war of 1939–1942: Some movements to end it by a negotiated peace // Transactions of the Royal Society of Canada. 4th Series. 1971. Vol. 9. P. 285–312.
26. Förster S. Introduction // Great War, total war. Combat and mobilization on the Western front / Ed. by R. Chickering, S. Förster. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 1–16.
27. Frank R. Vichy et les Britanniques: Double jeu ou double langage? // Vichy et les Français / Sous la dir. de J.-P. Azéma, F. Bédarida. Paris: Fayard, 1992. P. 144–163.
28. Frieser K.-H. Blitzkrieg-Legende. Der Westfeldzug 1940. München: R. Oldenbourg, 1996.
29. Gab es einen Stalin-Hitler-Pakt? Charakter, Bedeutung und Deutung des deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrages vom 23. August 1939 / Hrsg. v. Ch. Koch. Frankfurt a/M: Peter Lang, 2015.
30. Germany and the Second World War. Vol. 1 [1990] / Ed. by Militärgeschichtliches Forschungsamt. Oxford: Clarendon Press, 1990.
31. Germany and the Second World War. Vol. 5. Pt. 1 [1998] / Ed. by Militärgeschichtliches Forschungsamt. Oxford: Clarendon Press, 2000.
32. Germany and the Second World War. Vol. 9. Pt. 1 [2004] / Ed. by J. Echternkamp. Oxford: Clarendon Press, 2008.
33. Geyer M. German strategy in the age of machine warfare, 1914–1945 // Makers of modern strategy / Ed. by P. Paret. Princeton: Princeton University Press, 1986. P. 527–597.
34. Hammond R. British policy on total maritime warfare and the anti-shipping campaign in the Mediterranean, 1940–1944 // Journal of Strategic Studies. 2013. Vol. 36. No. 6. P. 789–814. DOI: 10.1080/01402390.2012.719196.
35. Harrison M. The economics of World War II: An overview // The economics of World War II: Six Great Powers in international comparison / Ed. by M. Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 1–42.
36. Henig R. The origins of the Second World War 1933–1941 [1985] / 2nd ed. London: Routledge, 2005.
37. Hillgruber A. England's place in Hitler's plans for world domination // Journal of Contemporary History. 1974. Vol. 9. No. 1. P. 5–22. DOI: 10.1177/002200947400900101.

38. Hobson R. Blitzkrieg, the revolution in military affairs and defense intellectuals // *Journal of Strategic Studies*. 2010. Vol. 33. No. 4. P. 625–643. DOI: 10.1080/01402390.2010.489717.
39. Jersak T. Blitzkrieg revisited: A new look at Nazi war and extermination planning // *The Historical Journal*. 2000. Vol. 43. No. 2. P. 565–582. DOI: 10.1017/S0018246X99001004.
40. Jersak T. A matter of foreign policy: ‘Final solution’ and ‘final victory’ in Nazi Germany // *German History*. 2003. Vol. 21. No. 3. P. 369–391. DOI: 10.1191/0266355403gh289oa.
41. Kelly B. Drifting towards war: The British Chiefs of Staff, the USSR and the Winter War, November 1939 — March 1940 // *Contemporary British History*. 2009. Vol. 23. No. 3. P. 267–291. DOI: 10.1080/13619460903080010.
42. Litsky E.B. The Murphy–Weygand Agreement: The United States and French North Africa (1940–1942). PhD Dissertation. New York: Fordham University, 1986.
43. Lukacs J. The last European war: September 1939 — December 1941 [1976] / 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2001.
44. Michel H. La drôle de guerre. Paris: Hachette, 1971.
45. Milward A.S. The German economy at war [1965]. London: Bloomsbury, 2015.
46. Mitter R. Forgotten ally: China’s World War II, 1937–1945. New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
47. Murray W. Force strategy, blitzkrieg strategy and the economic difficulties: Nazi grand strategy in the 1930s // *The RUSI Journal*. 1983. Vol. 128. No. 1. P. 39–43. DOI: 10.1080/03071848308522215.
48. The origins of the Second World War: An international perspective / Ed. by F. McDonough. London: Bloomsbury, 2011.
49. Overy R. The origins of the Second World War [1987] / 3rd. ed. London: Routledge, 2017.
50. Saul F. Berlin et le jeu américain à Vichy (septembre 1940 à décembre 1941) // *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*. 1963. Bd. 13. Heft 3. S. 339–371. DOI: 10.5169/seals-80527.
51. Scherner J. Nazi Germany’s preparation for war: Evidence from revised industrial investment series // *European Review of Economic History*. 2010. Vol. 14. No. 3. P. 433–468. DOI: 10.1017/S1361491610000122.
52. Searle A. Armoured warfare: A military, political and global history. London: Bloomsbury, 2017.
53. Strachan H. The First World War as a global war // *First World War Studies*. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 3–14. DOI: 10.1080/19475021003621036.
54. Strachan H. War and society in the 1920s and 1930s // *The shadows of total war: Europe, East Asia, and the United States, 1919–1939* / Ed. by R. Chickering, S. Förster. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 35–54.
55. Vasquez J.A. The war puzzle. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
56. A world at total war: Global conflict and the politics of destruction, 1937–1945 / Ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
57. Weinberg G. Hitler’s foreign policy 1933–1939: The road to World War II. 2nd ed. New York: Enigma Books, 2010.

I.E. Magadeev

**FROM EUROPEAN TO WORLD WAR:
DYNAMICS OF 'TOTALIZATION'
AND 'GLOBALIZATION' OF THE WARFARE
IN SEPTEMBER 1939 — DECEMBER 1941**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

Internal dynamics of the warfare and evolution of the general strategic situation in the period of WWII, limited by the German aggression against Poland, on the one hand, and the failure of 'Barbarossa' and the U.S. entry into the war, on the other hand, were not so straightforward, as it is sometimes presented in scholarly accounts. This paper underlines ambivalences, intrinsic to the international and strategic situation between September 1939 and December 1941, focusing on the two interdependent though not identical trends of 'totalization' and 'globalization' of the warfare. To operationalize these processes the author suggests 3 parameters for each of them. As for 'totalization', they are: the duration of the war (a short war versus a long war), the degree of economy militarization, the degree of violence and absence of limitation in the warfare. To describe 'globalization' of the war the criteria are as follows: the geographical scale, the number of participants and the relative role and place of neutral powers, and, finally, the degree of the 'bipolarization' in the form of the two opposing coalitions. This paper concludes that the picture of WWII during the period under research was not identical to its textbook image of the total and global military conflict. Though the elements of the 'total war' were evident even in the pre-war period and included the preparation of the powers for the long struggle, a partial militarization of the economies based on the 'lessons' of WWI, and the ideological and criminal aims of Nazism, these elements needed time to take their 'final' forms and could not be implemented on a click. Moreover, the unexpected successes of the German 'blitzkriegs', as it seemed at the epoch, could turn the war into a series of relatively short military campaigns which didn't demand the 'total mobilization'. The same dichotomy was evident in the 'globalization' of the warfare: though the war was not only European from the beginning, due to the participation of the British and French colonial empires, due to the extension of the warfare to the North and East Africa and the global nature of the naval warfare, there were significant barriers to its extension to the whole world. Some of the Great Powers — the USSR and the USA, first of all — were officially neutral, there were a lot of expectations of the compromise peace and nobody knew exactly the final composition of the opposing blocs.

Keywords: the Second World War, ‘totalization’, ‘globalization’, ‘blitzkrieg’, Germany, the USSR, the USA, Great Britain, France, Phoney war.

About the author: *Iskander E. Magadeev* — PhD (History), Associate Professor, Department of European and American Studies, School of International Relations, MGIMO-University (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

REFERENCES

1. Rzheshhevskii O.A. (ed.). 2012. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War 1941–1945]. In 12 vols. Vol. 2. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
2. Panov V.V. (ed.). 2013. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War 1941–1945]. In 12 vols. Vol. 7. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
3. Gorodeckii G. 2008 [1999]. *Rokovoi samoobman: Stalin i napadenie Germanii na Sovetskii Soyuz* [Grand delusion: Stalin and the German invasion of Russia]. 2nd ed. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
4. Dashichev V.I. 1965. Problema bor’by na dva fronta v strategii germanskogo militarizma [Two fronts problem in the strategy of the German militarism]. In Erusalimskii A.S. (ed.). *Germanskii imperializm i militarizm* [German imperialism and militarism]. Moscow, Nauka Publ., pp. 152–193. (In Russ.)
5. Kokoshin A.A. 2015. Blitzkrieg i struktura revolyutsii v voennom dele [Blitzkrieg and the structure of revolution in military affairs]. *Klio*, no. 12 (108), pp. 96–109. (In Russ.)
6. Narinskii M.M., Dembskii S. (eds.). 2009. *Mezhdunarodnyi krizis 1939 goda v traktovkakh rossiiskikh i pol’skikh istorikov* [International crisis of 1939 in the interpretations of Russian and Polish historians]. Moscow, Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
7. Mel’tyukhov M.I. 2000. *Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor’ba za Evropu: 1939–1941* [Stalin’s missed opportunity. The Soviet Union and the struggle for Europe: 1939–1941]. Moscow, Veche Publ. (In Russ.)
8. Morgan T. 2002. *Somerset Moem: biografiya* [Somerset Maugham: A biography]. Moscow, Zaharov Publ. (In Russ.)
9. Zolotarev V.A. (ed.). 2015. *Natsistskaya Germaniya protiv Sovetskogo Soyuza: planirovanie voiny* [Nazi Germany against the Soviet Union: Planning of war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)
10. Patrushev A.I. 2007. *Germanskaya istoriya: cherez ternii dvuh tysyacheletii* [German history: Through the hardships of the two millennia]. Moscow, Izdatel’skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve. (In Russ.)
11. Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2014. *Pervaya mirovaya voina i sud’by evropeiskoi tsivilizatsii* [The First World War and the destiny of the European civilization]. Moscow, Moscow University Press Publ. (In Russ.)
12. Pechatnov V.O., Magadeev I.E. 2015. *Perepiska I.V. Stalina s F. Ruzvel’tom i U. Cherkhillem v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Correspondence between I.V. Stalin, F. Roosevelt and W. Churchill during the Great Patriotic War]. Vol. 1. Moscow, OLMA Media Group Publ. (In Russ.)

13. Reo E. dyu. 2009. *Politika Frantsii i franko-sovetskie otnosheniya v pervye mesyatsy 'Strannoï voiny' (sentyabr' 1939 — mart 1940)* [The foreign policy of France and the Franco-Soviet relations in the first months of the 'Phoney War' (September 1939 — March 1940)]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, special issue, pp. 204–210. (In Russ.)
14. Setov R.A. 2015. Potencial'naya real'nost' ili neizbezhnost'? K voprosu o proiskhozhdenii Vtoroi mirovoi voiny [Potential reality or inevitability? Discussing the origins the Second World War]. In Karpov S.P., Tuchkov I.I. (eds.). *Vtoraya mirovaya voina v istorii chelovechestva. 1939–1945 gg.* [The Second World War in the human history, 1939–1945]. Moscow, Izdatel' Stepanenko Publ. (In Russ.)
15. Sutu Zh.-A. 2006. Vishi i mesto SSSR v evropeiskoi sisteme [Vichy and the place of USSR in the European system]. In Narinskii M.M. (ed.). *SSSR i Frantsiya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [USSR and France during the Second World War]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., pp. 77–105. (In Russ.)
16. Timofeev I.N. 2009. Dilemma bezopasnosti: risk vooruzhennogo konflikta mezhdu velikimi derzhavami [Security dilemma: Risk of military conflict between the Great Powers]. *Polis*, no. 4, pp. 8–34. (In Russ.)
17. Fomin V.T. 1978. *Fashistskaya Germaniya vo vtoroi mirovoi voine. Sentyabr' 1939 g. — iyun' 1941 g.* [Fascist Germany in the Second World War. September 1939 — June 1941]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
18. Chubar'yan A.O. 2008. *Kanun tragedii. Stalin i mezhdunarodnyi krizis: sentyabr' 1939 — iyun' 1941 g.* [On the eve of the tragedy. Stalin and the international crisis: September 1939 — June 1941] Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
19. Yakobsen G.-A. 1995 [1959]. 1939–1945. Vtoraya mirovaya voina. Khronika i dokumenty [The Second World War. Chronicle and documents] In *Vtoraya mirovaya voina: Dva vzglyada* [The Second World War: Two approaches]. Moscow, Mysl' Publ., pp. 7–374.
20. Aglan A., Frank R. (dir.). 2015a. *1937–1947: La guerre-monde*. T. 1. Paris, Gallimard.
21. Aglan A., Frank R. (dir.). 2015b. *1937–1947: La guerre-monde*. T. 2. Paris, Gallimard.
22. Bartov O. 1994. *Hitler's army: Soldiers, Nazis, and war in the Third Reich*. New York, Oxford University Press.
23. Childs D. 1995. *Britain since 1939: Progress and decline*. London, Palgrave.
24. Echternkamp J. 2013. 1914–1945: A second Thirty years war? Advantages and disadvantages of an interpretive category. In Torp C., Muller S.O. (eds.). *Imperial Germany revisited: Continuing debates and new perspectives*. New York, Berghahn Books, pp. 189–201.
25. Fieldhouse N. 1971. The Anglo-German war of 1939–1942: Some movements to end it by a negotiated peace. *Transactions of the Royal Society of Canada*, 4th series, vol. 9, pp. 285–312.
26. Förster S. 2000. Introduction. In Chickering R., Förster S. (eds.). *Great War, total war. Combat and mobilization on the Western front*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–16.
27. Frank R. 1992. Vichy et les Britanniques: Double jeu ou double langage? In Azéma J.-P., Bédarida F. (dir.). *Vichy et les Français*. Paris, Fayard, pp. 144–163.
28. Frieser K.-H. 1996. *Blitzkrieg-Legende. Der Westfeldzug 1940*. München, R. Oldenbourg.

29. Koch Ch. (hrsg.). 2015. *Gab es einen Stalin-Hitler-Pakt? Charakter, Bedeutung und Deutung des deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrages vom 23. August 1939*. Frankfurt a/M, Peter Lang.
30. Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.). 1990 [1990]. *Germany and the Second World War*, vol. 1. Oxford, Clarendon Press.
31. Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.). 2000 [1998]. *Germany and the Second World War*, vol. 5, pt. 1. Oxford, Clarendon Press.
32. Echternkamp J. (ed.). 2008 [2004]. *Germany and the Second World War*, vol. 9, pt. 1. Oxford, Clarendon Press.
33. Geyer M. 1986. German strategy in the age of machine warfare, 1914–1945. In Paret P. (ed.). *Makers of modern strategy*. Princeton, Princeton University Press, pp. 527–597.
34. Hammond R. 2013. British policy on total maritime warfare and the anti-shipping campaign in the Mediterranean, 1940–1944. *Journal of Strategic Studies*, vol. 36, no. 6, pp. 789–814. DOI: 10.1080/01402390.2012.719196.
35. Harrison M. 1998. The economics of World War II: An overview. In Harrison M. (ed.). *The economics of World War II: Six Great Powers in international comparison*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–42.
36. Henig R. 2005 [1985]. *The origins of the Second World War, 1933–1941*. 2nd ed. London, Routledge.
37. Hillgruber A. 1974. England's place in Hitler's plans for world dominion. *Journal of Contemporary History*, vol. 9, no. 1, pp. 5–22. DOI: 10.1177/002200947400900101.
38. Hobson R. 2010. Blitzkrieg, the revolution in military affairs and defense intellectuals. *Journal of Strategic Studies*, vol. 33, no. 4, pp. 625–643. DOI: 10.1080/01402390.2010.489717.
39. Jersak T. 2000. Blitzkrieg revisited: A new look at Nazi war and extermination planning. *The Historical Journal*, vol. 43, no. 2, pp. 565–582. DOI: 10.1017/S0018246X99001004.
40. Jersak T. 2003. A matter of foreign policy: 'Final solution' and 'final victory' in Nazi Germany. *German History*, vol. 21, no. 3, pp. 369–391. DOI: 10.1191/0266355403gh289oa.
41. Kelly B. 2009. Drifting towards war: The British Chiefs of Staff, the USSR and the Winter War, November 1939 — March 1940. *Contemporary British History*, vol. 23, no. 3, pp. 267–291. DOI: 10.1080/13619460903080010.
42. Litsky E.B. 1986. *The Murphy-Weygand Agreement: The United States and French North Africa (1940–1942)*. PhD Thesis. New York, Fordham University.
43. Lukacs J. 2001 [1976]. *The last European War: September 1939 — December 1941*. 2nd ed. New Haven, Yale University Press.
44. Michel H. 1971. *La drôle de guerre*. Paris, Hachette.
45. Milward A.S. 2015 [1965]. *The German economy at war*. London, Bloomsbury.
46. Mitter R. 2013. *Forgotten ally: China's World War II, 1937–1945*. New York, Houghton Mifflin Harcourt.
47. Murray W. 1983. Force strategy, blitzkrieg strategy and the economic difficulties: Nazi grand strategy in the 1930s. *The RUSI Journal*, vol. 128, no. 1, pp. 39–43. DOI: 10.1080/03071848308522215.
48. McDonough F. (ed.). 2011. *The origins of the Second World War: An international perspective*. London, Bloomsbury.
49. Overy R. 2017 [1987]. *The origins of the Second World War*. 3rd ed. London, Routledge.

50. Saul F. 1963. Berlin et le jeu américain à Vichy (septembre 1940 à décembre 1941). *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*, bd. 13, heft 3, ss. 339–371. DOI: 10.5169/seals-80527.

51. Scherner J. 2010. Nazi Germany's preparation for war: Evidence from revised industrial investment series. *European Review of Economic History*, vol. 14, no. 3, pp. 433–468. DOI: 10.1017/S1361491610000122.

52. Searle A. 2017. *Armoured warfare: A military, political and global history*. London, Bloomsbury.

53. Strachan H. 2010. The First World War as a global war. *First World War Studies*, vol. 1, no. 1, pp. 3–14. DOI: 10.1080/19475021003621036.

54. Strachan H. 2003. War and society in the 1920s and 1930s. In Chickering R., Förster S. (eds.). *The shadows of total war: Europe, East Asia, and the United States, 1919–1939*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 35–54.

55. Vasquez J.A. 1993. *The war puzzle*. Cambridge, Cambridge University Press.

56. Chickering R., Förster S., Greiner B. (eds.). 2005. *A world at total war: Global conflict and the politics of destruction, 1937–1945*. Cambridge, Cambridge University Press.

57. Weinberg G. 2010. *Hitler's foreign policy 1933–1939: The road to World War II*. 2nd ed. New York, Enigma Books.